

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПЬЮ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII В.

Батыров В.В., Горяев М.С.

ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», Элиста, Россия (358000, Элиста, ул. Пушкина, 11), e-mail: mergengoryaev@yandex.ru

В статье рассматривается система управления калмыцкой степью в последней трети XVIII в. Во второй половине XVII в. образуется Калмыцкое ханство на территории Российского государства. К последней трети XVIII в. единоначалие калмыцких ханов и наместников было заменено единоначалием русских чиновников в лице астраханских губернаторов. Преобразованиям подверглись и исполнительные органы управления калмыцким народом. В 70-е гг. XVIII в. были заложены основы политики Российской империи в Калмыцкой степи, которые в последующие времена с небольшими изменениями воплотились в различных законодательных актах. Со временем надзор особо состоящих лиц при калмыцком хане вылился в стройно разработанную систему государственного управления Калмыцкой степью – приставство. На этапе введения калмыков в общероссийскую жизнь приставство как система оказалось наиболее приемлемой формой в подчинении их общегосударственным порядкам.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, калмыцкое ханство, Российское государство, хан, губернатор, приставство.

CONTROL SYSTEM OF THE KALMYK STEPPE IN THE LAST THIRD OF THE XVIII CENTURY

Batyrov V.V., Goryaev M.S.

FGBOU VPO «Kalmyk state University», Elista, Russia (358000, Elista, Pushkin street, 11), e-mail: mergengoryaev@yandex.ru

The article deals with the control system of the Kalmyk steppe in the last third of the XVIII century. In the second half of the XVII century is formed the Kalmyk Khanate in the territory of the Russian state. By the last third of the XVIII century one-man management of the Kalmyk khans and governors was replaced with one-man management of Russian officials – Astrakhan governors. Executive bodies of the Kalmyk people were undergone transformations. In the 70-ies, XVIII century it was laid the foundations for the policy of the Russian Empire in the Kalmyk steppe, which in later times with small changes were embodied in various legislative acts. Over time, the supervision of specially made up of individuals with Kalmyk Khan resulted in a neatly designed system of public administration Kalmyk steppe – the police district. During introduction of the Kalmyks in the Russian life, the police district as the system proved to be the most acceptable form of subordinated their national orders.

Keywords: the Kalmyk steppe, the Kalmyk Khanate, the Russian state, khan, governor, the police district.

Политические потрясения в Западной Монголии во второй половине XVI – первой половине XVII вв. привели к миграции части ойратских племен с территории будущего Джунгарского ханства на Кукунор и в пределы Российского государства. Часть ойратов, откочевавшая в пределы русской Сибири, получила в русских летописях имя калмыки, под которым они и вошли в историю. Однако занимаемые территории не могли удовлетворить растущее население кочевников. В конце концов, предводители переселенцев принимают решение о продвижении в западном направлении, и, в конечном итоге, кочевая орда попадает в междуречье Волги, Дона и Яика, хотя данная территория была давно уже занята немногочисленными ногайскими племенами. Российское правительство после долгих требований об удалении пришельцев было вынуждено констатировать невозможность

данного факта, так как калмыки обладали внушительной военной силой. В итоге было принято решение о приведении их к присяге, принятии в подданство и выделении им пастбищных угодий для кочевого хозяйства [6]. Таким образом, решение российского правительства положило начало введению калмыков в состав новой государственности. В результате вхождения калмыков в состав Российского государства возникли объективные экономические и политические условия для складывания особой калмыцкой государственности в форме ханства, вассального по отношению к России.

После долгих пертурбаций калмыцкие дела наконец-то были сосредоточены в Посольском приказе. Через сто лет в результате проводимых реформ приказ был преобразован в Коллегию иностранных дел, в чье ведение наряду с делами по внутреннему управлению уральских казаков, малороссиян и почтовой связи были отнесены и калмыцкие дела.

Непосредственно на месте контакт с руководством калмыцкой государственности осуществлял астраханский обер-комендант, находившийся в подчинении казанскому губернатору. В 1719 г., в рамках проводимых преобразований, полномочия казанского губернатора были переданы губернатору астраханскому, что, несомненно, было логично. Помимо Коллегии иностранных дел в большинстве случаев правительство стало поручать астраханскому губернатору вести дела, связанные с Калмыцким ханством.

Кроме того, непосредственно в ставке калмыцкого хана, с 1715 г. находился особый полномочный представитель Российской империи. Официально он отвечал за безопасность правителя, однако со временем стал не только следить за его поведением, но и принимать активное участие во внутренних делах Калмыцкого ханства, контролировать внешние сношения с другими государствами и народами. С 1722 г. в его функции уже входит разбор конфликтов, возникавшие между калмыками и оседлым населением. Но, пожалуй, одним из самых ответственных поручений от правительства было его участие в выборах кандидатов на ханскую должность. Не располагая прямой возможностью, он обязан был склонить если не всех, то большинство калмыцких владельцев к избранию удобного российскому правительству лица [3].

В начале 70-х годов XVIII в. калмыцкий народ оказался искусственно расчлененным в результате искусно проведенной наместником ханства Убаши операции по скрытной эмиграции из пределов Российской империи на территорию бывшего Джунгарского ханства. По разным противоречивым источникам Россию покинуло около 30–33 тысяч кибиток или 150–160 тысяч калмыков [9; 10].

Немногочисленная оставшаяся на Волге часть калмыков навсегда связала свою судьбу с Россией – в последнюю треть XVIII – XIX вв. им предстояло теснее сблизиться и

экономически, и политически. Объективно этому способствовали такие факторы, как присоединение к России ряда районов Кавказа, части казахских жузов и превращение территории калмыцких кочевий во внутренний район страны, развитие нового капиталистического уклада, начало активного освоения юго-востока и втягивание Калмыцкой степи во всероссийский рынок.

После откочевки правительству предстояло определить государственный статус калмыков, обеспечить разрешение жизненно важных вопросов. Вместе с тем, во избежание повторений событий января 1771 г. как серьезного просчета, требовалась особая гибкость в тактических приемах по распространению на Калмыцкую степь общеимперских порядков.

Надеясь приостановить начавшуюся откочевку и вместе с тем опасаясь, что оставшаяся часть народа может последовать за наместником, центральные власти начинают действовать незамедлительно, но с известной долей осторожности. Сложившаяся ситуация диктовала необходимость хотя бы временного использования принципа внутригосударственного единоначалия в Калмыцком ханстве. В связи с этим правительство пошло на принятие временных мер, тем самым совершив новый шаг в усилении административного надзора, который, как показали события в начале 1771 г., был недостаточным. Было сделано все, чтобы его усилить.

В первую очередь, согласно распоряжению от 26 января Коллегии иностранных дел астраханский губернатор генерал-поручик Н.А. Бекетов упразднил «Калмыцкие дела» и перевел их из Енотаевской крепости в г. Астрахань. Где в свою очередь при его канцелярии была открыта «Губернская канцелярия по экспедиции калмыцких дел».

Сложная политическая обстановка, давление старых традиций и принципов управления калмыцким народом, неподготовленность к такому роду политическому кризису, растерянность местной администрации не позволили российскому правительству сразу отказаться от принципов единоличной и национальной власти в управлении автономной административно-территориальной единицы. При поддержке главы Коллегии иностранных дел графа Н.И. Панина Бекетов Н.А. предложил назначить «главным над калмыцким народом» российского офицера, дворянина, крещенного нойона и владельца Багацохуровского улуса Алексея Дондукова [1]. Немаловажную роль в его назначении сыграло его происхождение – он являлся внуком Аюки-хана и сыном хана Дондук-Омбо, хорошо знал русские и калмыцкие законы. Российское правительство не теряло надежды вернуть ушедших и, сохраняя преемственность династии Аюки, оно успокаивало волнения оставшейся части народа.

Дондукову предлагалось действовать исходя из своих возможностей, но только на пользу «ее величества». Он, кроме прочего, должен был обеспечить поддержание «доброго

порядка и спокойствия» в улусах калмыцкой степи. Посредником между кочевой аристократией и правительством, арбитром в спорах между нойонами становился астраханский губернатор [7].

А. Дондуков воспринял свое назначение как возможность реализовать свои амбиции. Он развернул бурную деятельность по управлению вверенной ему территории: наряду с мерами по упорядочению обстановки в кочевьях, в частности, по борьбе с усилившимся воровством и укрывательством воров, приступил к перераспределению зимних и летних кочевий калмыков, не считаясь с мнением нойонов. От них же самих он требует не только признания его власти, но и полного подчинения. Естественно, это не могло не вызвать недовольство не только в дербетовских, но и в торгоутовских улусах. Не секрет, что ряд потомков калмыцких ханов сами бы желали занять вакантный престол.

Своими действиями А. Дондуков еще больше настраивал их против себя, что, безусловно, не могли не заметить и не учесть в Петербурге, где уже к середине 1771 г. пришли к выводу о невозможности вернуть беглецов [5]. Соответственно, и сохранять национальную власть для столь малочисленного народа, уже переставшего играть какую-либо значимую роль в военном деле, было нелогично. 6 декабря 1771 г. в Астрахани Н.А. Бекетов зачитал приглашенным калмыцким нойонам именной рескрипт Екатерины II, согласно которому единоначалие А. Дондукова отменялось, а каждый нойон чтобы «собственными своими людьми управлял независимо от других и давал на них суд и расправу по их калмыцким правам и обыкновениям». «Общее надзирание и управление калмыцкими кочевьями» поручалось опять-таки астраханскому губернатору [2]. Можно без тени преувеличения констатировать, что единоначалие калмыцких ханов и наместников было заменено единоначалием русских чиновников в лице астраханских губернаторов.

Преобразованиям подверглись и исполнительные органы управления калмыцким народом. В частности создавалась Экспедиция калмыцких дел при астраханской губернской канцелярии, а в улусы были направлены приставы под именем «учеников» и «переводчиков» калмыцкого языка. Воссоздавался суд Зарго, во времена Калмыцкого ханства он осуществлял судебный надзор и состоял из восьми членов – зайсангов во главе с самим правителем. Нынешнее Зарго сильно отличалось от прежнего и по количеству, и по составу, и по своим функциям. Состояло оно уже из трех зайсангов, по одному представителю от главных субэтросов калмыков – дербетов, торгоутов, хошуттов. Каждое дело Зарго, прежде чем «до губернатора доходить будет», обязано было предварительно рассмотреть и вынести свое заключение.

Заргачи должны были беспрекословно исполнять указания губернатора. При этом они имели некоторые элементы гарантии – нойонам запрещалось штрафовать и чинить

притеснения им и их родственникам «до первого колена». Кроме того, члены Зарго получали казенное жалование.

Несмотря на все предпринятые меры все-таки правительство продолжало опасаться бегства остатков калмыков. Для решения этой проблемы было принято решение изолировать наиболее авторитетных нойонов. По представлению Н.А. Бекетова Коллегия иностранных дел вызвала в Санкт-Петербург ненадежных по их мнению владельцев – дербетовского Цебека-Убаши, торгоутовских Яндыка и Асархо. Однако Яндык умер по пути в столицу, а Цебек-Убаши и Асархо, не сумев адаптироваться к смене обстоятельств, умерли в 1774 г.

Смерть нойона Яндыка, а в 1772 г. хошоутовского владельца Замьяна сподвигло астраханского губернатора к предложению признать их улусы выморочными в силу отсутствия наследников и передать в казну. Был разработан специальный проект управления такими казенными калмыками, однако КИД не решилась последовать его советам, хотя и было ясно, что в будущем она не будет возражать против такой политики [8].

Таким образом, в 70-е гг. XVIII в. были заложены основы политики Российской империи в Калмыцкой степи, которые в последующие времена с небольшими изменениями воплотились в различных законодательных актах.

В последующем в политико-административном управлении Астраханским краем происходят крупные изменения и не всегда оправданные преобразования. В частности в мае 1785 г. образуется Кавказское наместничество, в состав которой вошла и Астраханская губерния. Для подавляющего большинства калмыков особое значение имел указ 9 мая 1785 г. на имя генерал-губернатора Кавказского и Саратовского наместничеств генерал-поручика П.С. Потемкина. Согласно ему калмыков следовало приписать к уездам «по способности... обитания», «дозволяя часть их перепустить для удобнейшего пребывания на луговую сторону», так как «сверх выгоды их собственной» это могло еще служить и к обузданию киргизцев. И далее, рекомендовалось «стараться... поселять, ободряя к тому их начальников». Для поселения не только калмыков, но и всех желающих назначались земли от Астрахани до Кизляра [11]. Позднее здесь предлагалось устроить почтовые станции.

Идея поселения калмыков-кочевников начала усиленно проводиться в жизнь. Вслед за распоряжением удовлетворить прошение калмыцких зайсангов казенного ведомства, ходатайствующих от имени 400 кибиток о поселении, в 1788 г. одному из них, Ончику, вместе с его аймачными людьми было отмежевано 136,5 тысяч десятин, но впоследствии отмежеванный участок за ними не закрепился.

Дальнейшему реформированию подверглись и органы калмыцкого управления: суд Зарго был ликвидирован, а функции Калмыцкой экспедиции были переданы Войсковой канцелярии. По задумке графа Потемкина калмыки должны были отбывать поголовную

войсковую повинность в качестве отдельного иррегулярного войска путем их приписки к уездам Астраханской губернии. В уездные же суды передавались все тяжёбые дела калмыков. Все эти действия вызвали волнения среди населения Калмыцкой степи, и в 1788 г. новый правитель Кавказского наместничества Л.С. Алексеев отменил новшества в отношении калмыков, а войсковую канцелярию переименовал в Канцелярию калмыцких дел, просуществовавшую до 1797 г., когда в Астрахани было открыто калмыцкое управление.

Представляя на первых порах после ликвидации государственности полную свободу действий калмыцким владельцам в отношении подвластных, правительство не отступало от своей цели. В 1786 г. появился проект о преобразовании управления Калмыцкой степью на началах губернского управления. В связи с этим предполагалось обложить всех калмыков податью, обязать их нести рекрутскую повинность. Спустя два года в правительственных кругах возникла мысль расселить всех калмыков по разным внутренним российским губерниям. Ее претворению в жизнь помешало известие о намерении ушедших калмыков вернуться назад в Россию [4].

Претворяя широкую программу социально-экономических преобразований, в правительственных кругах обсуждается вопрос об обложении всех калмыков умеренной податью, шабинеров наряду с кетчинерами наравне с другими сословиями предполагалось привлечь и к военной службе, за дарханами намечалось закрепить личные привилегии, но никак не потомственные. С целью сокращения численности ламаистского духовенства предварительно было определено количество духовных лиц: по одному гелюнгу на каждые 200 кибиток.

Таким образом, взятый еще в период существования ханства курс на усиление надзора за Калмыцкой степью постепенно проникал во все сферы социально-политической и хозяйственной жизни ее населения. Со временем надзор особо состоящих лиц при калмыцком хане вылился в стройно разработанную систему государственного управления Калмыцкой степью – приставство. Перемена данного характера вполне соответствовала стремлению российского правительства укрепить свою власть и влияние на национальных окраинах страны путем усиления бюрократических начал в управлении ими. На этапе введения калмыков в общероссийскую жизнь приставство как система оказалось наиболее приемлемой формой в подчинении их общегосударственным порядкам.

Статья подготовлена в рамках проекта № 2641 госзадания Минобрнауки России «Кочевое общество и хозяйство калмыков в конце XVIII – начале XX века: проблемы интеграции в общероссийскую систему».

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). – Ф. 119. – Оп. 2. – 1771 - 1772. – Лл. 634-641.
2. АВПРИ. – Ф. 119. – Оп. 2. 1771-1772. – Лл. 561-570.
3. Бурчинова Л.С. Калмыкия в системе государственного управления России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. – Элиста, 1985. – С. 49.
4. Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. – 1846. – Т. 47-48. – № 8. – С. 86.
5. Карагодин А.И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX. – Запорожье, 1988. – С. 88.
6. Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII-XVIII вв. // Известия Российской академии наук. – Пг., 1919. – №№: 12-15. – С. 791.
7. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 213.
8. НАРК. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 167. – Лл.35 об. – 38.
9. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – М., 1967. – С. 120.
10. Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевке ойратов (калмыков) в XVII-XVIII вв. «Торгоутовский побег» 1771 г. // Исследования по истории и культуре монголов. – Новосибирск, 1989. – С. 56.
11. Шовунов К.П. К вопросу о земельной политике царизма в калмыцких казачьих поселениях (XVIII – первой половине XIX в.) // Проблема аграрной истории дореволюционной Калмыкии. – Элиста, 1982. – С. 24-41.

Рецензенты:

Команджаев А.Н., д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», г. Элиста;

Батмаев М.М., д.и.н., профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», г. Элиста.